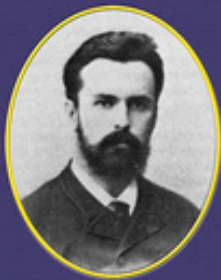

Е. Н
ТРУБЕЦКОЙ

Сочинения

Евгений Николаевич Трубецкой

Знакомство с Соловьевым

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2553755

Аннотация

«Зимой 1886/87 года в среду у Лопатиных произошла моя первая встреча с Владимиром Сергеевичем Соловьевым. В свое время я описал эту встречу и весь происходивший между нами разговор в письме к брату Сергею, тогда жившему в Калуге. Извлечение из письма, помнится, было мною дано С. М. Лукьянову, который, вероятно, поместил его в своем собрании биографических материалов о Соловьеве. Поэтому воспроизводить эти разговоры, которые в момент написания письма были гораздо свежее у меня в памяти, мне теперь незачем. Скажу лишь о том общем впечатлении, которое произвело на меня это знакомство...»

Евгений Трубецкой

Знакомство с Соловьевым

Зимой 1886/87 года в среду у Лопатиных произошла моя первая встреча с Владимиром Сергеевичем Соловьевым. В свое время я описал эту встречу и весь происходивший между нами разговор в письме к брату Сергею, тогда жившему в Калуге. Извлечение из письма, помнится, было мною дано С. М. Лукьянову, который, вероятно, поместил его в своем собрании биографических материалов о Соловьеве. Поэтому воспроизводить эти разговоры, которые в момент написания письма были гораздо свежее у меня в памяти, мне теперь незачем. Скажу лишь о том общем впечатлении, которое произвело на меня это знакомство.

В то время, когда оно произошло, с Соловьевым была связана вся моя умственная жизнь. Все мое философское и религиозное мирозерцание было полно соловьевским содержанием и выражалось в формулах, очень близких к Соловьеву. Было между нами только одно крупное расхождение. Соловьев как раз незадолго до нашей первой встречи порвал с И. С. Аксаковым и вообще с тем лагерем старых славянофилов, к которому мои симпатии все еще продолжали тяготеть. Отношение Соловьева к папству – вот что было для меня безусловно неприемлемо. Его понимание соединения церквей как простого акта подчинения восточной церкви апо-

столюскому престолу вызывало с моей стороны горячий протест. Рассуждать таким образом, по-моему, значило – отрицать самую религиозную особенность православия; выходило так, что ее отделение от латинства было простым актом неповиновения, не вызванным никакими религиозными мотивами.

Неудивительно, что первый же наш разговор начался с бурного и страстного спора. С первых же слов мы уже кричали друг на друга. Но, как это часто бывает в подобных случаях, – именно этот крик нас сблизил. Точнее говоря, он заставил нас почувствовать ту близость, которая уже была раньше. Мы сходились в основном – самом дорогом для нас обоих – в признании Богочеловечества как начала соборной жизни церкви, содержания и цели всемирной истории. Горячность и страстность нашего спора происходили именно оттого, что, сходясь в основном начале непонимания, мы расходились в первостепенном вопросе о его практическом применении. Чем ближе между собою люди, тем существенное между ними расхождение ощущается болезненнее.

Крик словно освободил нас от какой-то тяжести и снял большое препятствие к нашему духовному общению. Разговор происходил, как сказано, в лопатинской «детской». Кричать нам никто не мешал. Накричавшись вволю, мы вдруг почувствовали какую-то легкость духа и нежность друг к другу. В конце вечера мы уже весело шутили и хохотали, как старые друзья, каковыми мы и остались навсегда.

С тех пор часто повторялись у меня с Соловьевым эти горячие схватки с криком и раздражением – всё по тому же поводу, всегда по вопросу об отношении православия к католицизму и папству. А за раздражением всегда следовало быстрое и глубокое примирение.

В наших разговорах было все время это сочетание притяжения и отталкивания. Это были очень дружеские, но в то же время – очень сложные отношения, потому что Соловьев был мне сроден не только в том, что я от него принимал, но и во многих его положениях, которые я отрицал.

Я жил в атмосфере славянофильской мессианической мечты об осуществлении Царства Божия на земле через Россию. Но именно учение Соловьева о всемирной теократии и доводило эту мечту до конца. Соединение церковью примиряло и объединяло под верховным водительством России две враждующие между собой половины славянства. Оно наносило смертельный удар Австрии и создавало духовные основы для будущей Российской всемирной империи. Учение Соловьева о России как теократическом, «царском народе» было чрезвычайно сродно той славянофильской империалистической мечте, которую я лелеял с детства. Но, с другой стороны, это учение было логически и жизненно связано с неприемлемой для меня мыслью о папской власти как вершине всемирной теократии. Иными словами, мы оба стояли на почве одной и той же утопической и в существе своем *славянофильской мечты* о мессианической задаче русского

народа и русского государства. Но только из нас двоих он был последовательнее. От этого внутреннего противоречия в отношении к Соловьеву я освободился значительно позднее, когда рухнула его и в то же время моя мессианическая утопия.

Я не стану повторять здесь той пространной характеристики Соловьева по личным воспоминаниям, которую я дал в моем двухтомном труде о Соловьеве. В дополнение к ней скажу только, что впечатление, которое он произвел на меня, было единственным по духовности и силе. Ни до, ни после мне не случалось встречать человека, который бы так непосредственно, как он, заставлял ощущать соприкосновение с другим миром. Сколько раз с глазу на глаз с ним я ощущал мистический трепет, доводивший до сердцебиения, когда по виду его изменившегося и побледневшего лица мне становилось ясным, что *Соловьев что-то видит*, что именно, этого я не решался спросить. Когда вдруг, ни с того ни с сего, на лице его изображался мистический ужас, становилось невообразимо страшно. Это было совсем не то ощущение, какое вызывалось лопатинскими благодушными разговорами о покойниках, или, точнее говоря, о «беспокойниках». Нет, вы тут чувствовали себя непосредственно перед бездной и испытывали ощущение какой-то страшной медиумической силы. А иногда мистический ужас вызывался в нем рассказами о происшествиях, которые всем прочим людям казались совершенно обыкновенными, естественными.

Помню, например, как в голодный 1891 год я рассказывал ему, со слов одного сельского хозяина, про посев озимого в одной из наших южных губерний. Хозяин был поражен тем, что все брошенные на землю зерна тотчас приходили в движение и словно куда-то шли. Нагнувшись, он понял, что это – стая голодных муравьев уносит зерна в свои норки. Дойдя до этого места рассказа, я был совершенно потрясен видом Соловьева – его большими, остановившимися от ужаса глазами и искривленными губами. «Что с тобой?» – спросил я испуганно. Ответа не последовало, но я тут сам вдруг понял, что вид движущегося и как бы куда-то идущего поля, о котором я рассказывал так просто, действительно граничит с чудесным и наводит мистический трепет. Выражение лица Соловьева было мне вполне понятно. Он видел в голоде 1891 года своего рода казнь египетскую, ниспосланную свыше за грехи России. Никто другой не мог так, как он, по самому неожиданному поводу заставить ощутить непосредственную близость чудесного. Более того, в общении с ним всегда, бывало, чувствуешь, что самая граница чудесного и естественного снята. То вы испытывали благоговейный трепет перед чудесным явлением Божией правды и суда, то наоборот – жуткое ощущение вторжения темных, сатанинских сил в человеческую жизнь.

То «ощущение духа», которое вызывалось обликом Соловьева, совсем иного рода, чем то, которое заставлял переживать Лопатин. Во впечатлении личности Соловьева сказыва-

лась одному ему присущая мощь. И самое отношение к духу у него было иное: весь его пафос был совершенно другой, чем у Лопатина. Ему был органически чужд лопатинский индивидуализм самодовлеющей душевной субстанции. Человеческий индивид интересовал его не сам по себе, не в его отдельности, а как часть соборного целого, как член *Богочеловеческого организма Христова*. Лишь во вселенском целом этого организма признавал он субстанциональное, существенное содержание, а не в изолированном человеческом индивиде. Он живо чувствовал то преувеличение и извращение истины, которое заключалось в крайностях лопатинского индивидуализма. И это расхождение вызывало частые споры между друзьями, споры со стороны Соловьева иногда и шуточные по форме, но всегда серьезные по существу.